

ДОЛГИЙ СПОР О ЗАЩИТЕ ЭМБРИОНОВ

© 2011

Л.А. Резниченко

Так природа захотела, почему — не наше дело,
для чего — не нам судить

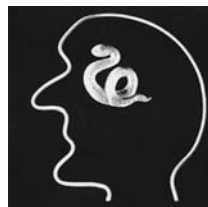
Б. Окуджава

Обычно когда пишут о взаимодействии политики и морали, предполагается, что “мяч на стороне морали” — это она должна освящать и контролировать политику. Или не должна — если речь идет, например, о взглядах покойного Николо Макиавелли, о ныне и вечно живой *realpolitik* или о ядовитой природе “общечеловеческих ценностей”, призванных ослабить Российское государство. Об обратном — о случаях, когда политические институции оказываются в положении арбитров морали, — пишут реже, хотя их-то “засечь” обычно легче, чем попытки морали влиять на политические решения¹. Особенно странной такая однобокость выглядит у нас в стране с ее богатым опытом институционализированных попыток подчинить моральные ценности и этические нормы политическим задачам и суду политических институтов.

Менее тривиально, что на подобные попытки время от времени выходят и вполне либеральные общества, причем в лице своего, можно сказать, либеральнейшего авангарда — естественнонаучного сообщества и приданных ему частей поддержки из рядов гуманитарной мысли. Здесь очень интересен пример Руководящего комитета по биоэтике Совета Европы (CDBI), чьи многочисленные документы ос-

вящены политическим весом Совета Европы и в силу этого выходят за рамки обычных кодексов профессиональной этики — за теми, как известно, стоит лишь авторитет научного сообщества и его “саморегулирующих” органов. Может быть, особенно любопытен с этой точки зрения доклад Рабочей группы CDBI по защите эмбрионов и зародышей человека² (далее — “Доклад”).

Сегодня защита эмбриона — это и широкое поле плохо разрешимых моральных противоречий, и сфера, на которую завязано множество конфликтующих интересов, в том числе и коммерческих (их, впрочем, легко представить и как гуманитарные — ведь речь идет о медицинских технологиях, зачастую направленных на спасение жизни). Особенно обострилась проблема в связи с распространением вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих осуществлять экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) — слияние сперматозоида и яйцеклетки “в пробирке” (*in vitro*) с последующей пересадкой эмбрионов в матку, и с ростом спроса, в том числе и коммерческого, на стволовые клетки. И, разумеется, с паникой, инициированной появлением на свет овечки Долли и угрозой “атаки клонов”.

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**Резниченко
Леонид**

Ананьевич —

член редакционной
коллегии журнала.

E-mail:

ireznich@mtu-net.ru

¹ Не то, чтобы последние вовсе не было — но слишком трудно однозначно приписать то или иное политическое деяние (или недеяние) именно воздействию морали. При том, что сами субъекты таких действий и воздержаний от действий будут сколь угодно долго убеждать мир, историю и себя лично в том, что именно мораль их и подталкивала — когда на действия, когда под руку.

² The protection of the human embryo *in vitro*. Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus (CDBI-CO-GT3). [http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/CDBI-CO-GT3(2003)13E.pdf]. Русский перевод документа в ближайшее время должен появиться на сайте www.bioethics.ru

Но для нас Доклад интересен в первую очередь не этим. От других документов, разработанных Комитетом по биоэтике, он отличается несколькими важными особенностями.

Во-первых, вопреки обыкновению Комитета, после полутора десятка лет работы Группа так и не приняла никакого нормативного документа, ограничившись простым обзором существующих точек зрения, пусть и очень фундаментальным. Причем в вопросах действительно важных и требующих регулирования документ больше напоминает “протокол о разногласиях”: слишком много проблем, по которым точки зрения специалистов принципиально расходятся.

Во-вторых, при сколько-нибудь внимательном чтении становится очевидно, что договориться эксперты не смогли отнюдь не по вздорности характера, а потому, что проблемы, стоящие за разногласиями, в принципе выходят за рамки возможностей экспертного анализа. Внешне, правда, речь часто идет о вопросах, вполне “согласуемых на экспертном уровне”. Например, о том, с какого момента зародыш следует считать человеком или, по крайней мере, субъектом. Но ведь тут сразу и вполне естественно возникает ветхозаветное (в смысле из Ветхого Завета) “Что есть человек?”. Участники дискуссии, естественно, этим вопросом не задаются — комитеты Совета Европы предназначены вовсе не для таких экзистенциальностей. Но можно ли примирить разногласия по поводу статуса эмбриона, просто вынеся сакраментальный вопрос за скобки?³

Конечно, само по себе желание “воспользоваться скобками” выглядит здесь вполне естественным и рациональным: вопросы такого рода принадлежат не к сфере профессиональных норм, а к сфере ценностей, каковые на чисто профессиональном языке — в том числе на языке “науки этики”, “научной

этики” или какой-то специфической “этики науки” — обсуждать невозможно. Вот и получается, что уважающим себя и свое дело экспертам лучше на такого рода вопросах не зацикливаться и уповать на то, что консенсус — дело наживное:

“По многим вопросам мнения сильно расходятся, что не позволяет в настоящее время выявить общепринятые подходы. В этой связи полезным шагом, способствующим прогрессу в обсуждении этических аспектов данных проблем, была сочтена подготовка доклада по проблемам защиты человеческого эмбриона *in vitro*... Цель Доклада — помочь в осмыслении этих проблем, обрисовав во всем их многообразии различные позиции по вопросам, охватываемым Докладом, и аргументы, на которых эти позиции основываются, но не занимая какую-либо позицию по затрагиваемым проблемам”⁴.

Для “ученого сообщества” подобный подход выглядит вполне естественным — там проблемы решаются именно подобным образом (по крайней мере, формально; а если у кого-то хватает занудства пытаться зреть в корень и утверждать иное, — Кун с ними; в нашей советской литературе клеветникам науки в свое время была дана достойная отповедь). И эксперты вполне естественно не видят принципиальных препятствий для урегулирования возникающих разногласий с помощью нормативных документов. И даже готовы продвигать чаемый консенсус на уровень политического органа. Нужно только продолжать дискуссии.

Впрочем, вернемся к нашим эмбрионам.

Статус эмбриона: философские позиции

Различные допущения о статусе эмбриона⁵, — продолжают авторы Доклада, — ведут к различиям в выводах о надлежащей защите

³ См. также статью: Б.Г. Юдина. Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. № 3.

⁴ Здесь и далее в кавычках приводятся цитаты из доклада.

⁵ Снова любопытное различие — то, что для одних глубинные, не всегда осознаваемые экзистенциальные ценности или установки сознания, то для других — допущения. И ведь и то, и другое верно, дело только в контексте. А еще в том, что с допущениями можно и нужно совмещать одни операции, а с моральными ценностями — совсем другие, а может быть, лучше вообще никаких...

эмбриона *in vitro*. Различные аргументы могут сочетаться и группироваться различным образом, и это сочетание и определяет ту или иную моральную позицию в вопросе о статусе эмбриона⁶. В Докладе выделяют четыре основные моральные позиции, хотя люди или группы, в целом стоящие на одной и той же позиции, могут по многим пунктам расходиться во мнениях, так что разграничение выходит не жестким. Но поскольку без него нельзя разработать ясные и обеспеченные правовыми санкциями законы, — необходимые линии подчеркиваются смело, хоть и не без оговорок.

Две крайние позиции. В первом случае оплодотворенная яйцеклетка рассматривается как человеческое существо и, соответственно, обладает принципиально безусловной ценностью — такой же, как и любой человек, и обладает правом на жизнь. Нельзя совершать ничего, что могло бы предотвратить, затруднить или сделать невозможным ее дальнейшее развитие, а если развитию угрожают естественные процессы, — возникает обязанность противодействовать им точно так же, как опасным для жизни болезням индивидуумов. Поскольку каждая оплодотворенная яйцеклетка или эмбрион имеет такую же ценность, что и любая другая, выбор между отдельными оплодотворенными яйцеклетками или эмбрионами недопустим ни в какой форме.

В рамках второй из крайних позиций эмбриону придается очень небольшая моральная ценность или вообще не придают никакой ценности. Соответственно, за ним не признается право на жизнь и не усматривается необходимость предоставлять ему какую-то специальную защиту. Как следствие, сторонники этой позиции считают допустимыми и такие исследования, которые могут повлечь разрушение эмбриона. Если по каким-то причинам необходимо произвести выбор из нескольких эмбрионов или оплодотворен-

ных яйцеклеток, то следует исходить из интересов сторон, которые затрагиваются этим выбором, причем сами по себе оплодотворенные яйцеклетки субъектами интересов не признаются.

“Градуалистские” позиции. Сторонники такого рода позиций предлагают исходить из того, насколько развит зародыш/эмбрион, и обращают внимание, что и сперматозоид, и яйцеклетка являются живыми объектами еще до процесса оплодотворения, а оплодотворенная яйцеклетка развивается в человека постепенно. Ценность эмбриона значительна, но не абсолютна. Что же касается его права на жизнь, — тут мнения варьируются: кто-то может считать, что эмбрион обладает правом на жизнь, другие предпочитают говорить о праве на развитие. Права эмбриона усиливаются и расширяются по мере его развития и вполне могут перевешиваться другими правами или интересами, например, соображениями здоровья матери. Противники такой позиции опасаются, что если степень защиты, предоставляемой эмбриону/зародышу начнет варьироваться, мы рискуем подорвать уважение человеческого достоинства и принцип равной моральной ценности всех лиц. Ведь, с точки зрения градуалистской позиции, если по каким-то причинам нужно выбирать между эмбрионами, то исходить при выборе следует из того, какие интересы приоритетнее. Но если “эмбрион тоже человек”, то уже сама постановка вопроса, что чьи-то интересы могут потребовать его уничтожения, представляется кощунственной

Мнения самих сторонников градуалистской позиции о вытекающих из нее следствиях для защиты эмбриона могут различаться. В частности, различны мнения о том, какому периоду развития должен соответствовать максимальный уровень защиты. Одни полагают, что поскольку развитие — процесс непрерывный, то и признаваемые за эмбрио-

Л. Резниченко
Долгий спор
о защите
эмбрионов

⁶ Снова перед нами вполне экспертный подход: сочетание аргументов определяет ту или иную моральную позицию. О том, что ситуация может “читаться в обратном порядке” — моральная позиция определяет аргументы и их сочетание — эксперты не говорят, иначе они были бы не экспертами, а философами-моралистами в старом добром (или не совсем добром?) смысле слова. И вход в этические комитеты им был бы заказан...

ном/зародышем объем прав и защита последовательно возрастают на протяжении всего периода развития, доходя до максимума по достижении жизнеспособности. А поскольку следует считаться и с интересами и правами других сторон, то конфликты интересов могут приводить к этическим дилеммам. Использование посткоитальной контрацепции, выбор между оплодотворенными яйцеклетками, проведение исследований на эмбрионе и аборт при определенных обстоятельствах могут быть допустимыми. Многое зависит от стадии развития эмбриона: например, по достижении определенной стадии накладывается запрет на использование эмбриона как объекта исследования.

Другая точка зрения также исходит из того, что признаваемые за эмбрионом/зародышем объем прав и защита последовательно возрастают по ходу развития. Но полный объем прав приобретает лишь с рождением. И здесь тоже могут приниматься во внимание интересы и права других сторон, и, следовательно, могут быть признаны допустимыми, например, исследования на эмбрионе. Некоторые возражают, что аргументами, обычно приводимыми в поддержку данной позиции, можно, в конечном счете, оправдать и инфантицид, так что, с их принятием мы начнем скатываться по наклонной плоскости.

Для всех четырех позиций фундаментальным является один вопрос: когда начинается индивидуальная жизнь и когда она приобретает моральное значение?

Аргументы "от биологии".

Во всех аргументах такого рода отправной точкой является вопрос: с какого момента начинается существование уникального человеческого существа? С точки зрения генетической конституции, новое уникальное бытие возникает с момента оплодотворения. Именно с этого момента, считают многие, и можно говорить об уникальном человеческом существе.

По мнению других, решающий момент наступает позже, после возникновения первичной полоски. До того остается неясным даже то, сколько индивидуальных эмбрионов может сформироваться из оплодотворенной яйцеклетки: один, два, три. И лишь в конце данного периода, когда эмбрион теряет соответствующий потенциал, становится возможно говорить об уникальном человеческом существе.

Сторонники первой точки зрения возражают, что одна и та же генетическая идентичность вполне может быть и общей для нескольких носителей, как у близнецов. Достаточно того, что можно зафиксировать процесс развития по меньшей мере одного индивидуального человеческого существа с уникальной генетической идентичностью.

Философские аргументы, основывающиеся на "потенциальности". В основе этого типа аргументов лежит предположение о том, что эмбрион и человеческое существо на более поздней стадии, при всех их различиях, связаны единым и непрерывным процессом развития. Но из подобного взгляда могут следовать самые разные и даже прямо противоположные утверждения.

Одна линия аргументации исходит из того, что, при всех различиях между эмбрионом и человеческим существом на более поздней стадии развития ("лицом", "личностью"), у эмбриона есть потенциал для того, чтобы превратиться в "лицо". А значит, и относиться к нему следует с тем же уважением, как если бы он лицом уже являлся. Но тогда выбирать между эмбрионами, определяя, который из них получит шанс на жизнь (например, будет помещен в матку в ходе искусственного оплодотворения), столь же недопустимо, что и делать аналогичный выбор между людьми.

Их оппоненты могли бы возражать: даже если у "а" есть потенциал, чтобы превратиться в "А", это еще не делает "а" и "А" онтологически тождественными, и наличие

у “а” соответствующего потенциала само по себе еще не означает, что мы должны подходить к “а” так, как если бы оно уже стало “А”.

Далее, в ходе естественного процесса не всем человеческим яйцеклеткам удастся успешно имплантироваться в матку. Учитывая частоту таких естественных потерь, допущение, будто все оплодотворенные яйцеклетки потенциально являются людьми, выглядит некорректным: не берется в расчет фактическая вероятность подобного результата. Но ведь тот факт, что природа предоставляет оплодотворенной яйцеклетке или эмбриону на ранних стадиях развития лишь ограниченную защиту, не обязательно означает, что и мы должны придерживаться такого же подхода. Человек — моральный субъект, в то время как природа таковым не является⁷.

Аргументы, основывающиеся на обладании качеством личности.

В этих аргументах понятие “обладать качеством личности”, или “быть личностью”, не тождественно “просто” принадлежности к человеческому роду. “Личность” — это такой представитель человеческого рода, который заслуживает морального отношения. Но тогда принадлежность к человеческому роду сама по себе еще не есть достаточное основание для морального отношения: чтобы к тебе относились морально, необходимы еще какие-то дополнительные качества.

Следствием подобной точки зрения может быть потенциальное разделение всего человеческого рода на две категории таким образом, что представители одной из них могли быть объектом инструментального отношения и использоваться в интересах представителей другой категории (“личностей”).

Центральным для подобных подходов, очевидно, оказывается вопрос о природе тех дополнительных качеств, которые необходимы, чтобы быть личностью. Поскольку именно в силу этих качеств их но-

ситель и заслуживает морального отношения, они сами, видимо, должны иметь какое-то моральное основание. Это может быть, например, такое качество, как “автономия”. Ведь автономия индивида может служить основой для выносимых им моральных суждений, и, следовательно, позволяет ему выступать в качестве морального субъекта.

Но представителем человеческого рода можно рассматривать как достигших сколько-нибудь полной автономии лишь спустя значительное время после рождения. А некоторые индивидуумы — например, лица с полной неспособностью к обучению — могут никогда не обрести полной автономии. Или частично или полностью утратить ее под воздействием заболевания или травмы.

Утверждают также, что каждое человеческое существо наделено человеческим достоинством и заслуживает морального уважения уже в силу того, что оно — человек. Но вот по вопросу о том, обладают ли эмбрион или зародыш человеческим достоинством, а если обладают, то по достижении какой стадии развития, — мнения разнятся. Некоторые расхождения вытекают из рассматривавшихся выше биологических аргументов, касающихся наличия или отсутствия индивидуальности.

Эмбрион, созданный путем переноса ядра клетки. В связи с клонированием эмбрионов *in vitro*, призванным обеспечить возможность развития органов и тканей из стволовых клеток, были сформулированы — вне зависимости от взглядов на моральную допустимость данного процесса — аргументы, отталкивающие уже не от “природы” эмбриона, а от того, каким методом он был получен⁸.

Утверждали, что эмбрион, клонированный с помощью того метода, каким была создана овца Долли (введение ядра соматической клетки в яйцеклетку, из которой предва-

Л. Резниченко
Долгий спор
о защите
эмбрионов

⁷ Здесь проявляется очень любопытное противоречие, не от-refлектированное не только носителями соответствующих взглядов, но и авторами Доклада: когда “невмешательство в дела природы” требует защиты эмбриона — безотносительно к интересам родителей, общества и пр., — оно в глазах многих превращается в моральное требование; когда же “подражать природе”, напротив, означает воздерживаться от защиты, — вспоминают, что человек — существо не природное, а моральное. Более наглядно это будет видно ниже.

⁸ Аргумент представляется весьма странным с точки зрения любой “рациональной” морали, которая не может исходить из “генезиса” феномена в моральных суждениях на его счет. Зато полностью согласуется с религиозными взглядами, строго различающими “тварь” и “творца” и, соответственно, результаты их деятельности. А также с некоторыми не слишком от-refлектированными моральными интуициями “простого человека”, стихийно склонного проводить моральное различие между “естественным” и “искусственным”.

рительно удаляется ее собственное ядро), нельзя считать тождественным эмбриону, — если определять его как результат завершившегося слияния сперматозоида и яйцеклетки: ведь его появление не включает процесса оплодотворения с объединением гамет. Высказывалось мнение, что различное происхождение “естественных” и “клонированных” эмбрионов означает, что и подходить к ним нужно по-разному независимо от их потенциала развития.

В таком представлении эмбрион, не являющийся результатом естественного репродуктивного процесса (или имитации этого процесса, как в случае экстракорпорального оплодотворения), — уже не тот эмбрион, который наделен правами, вытекающими из статуса эмбриона. Является ли результат переноса ядра клетки эмбрионом — это ключевой вопрос, в особенности для тех, кто жестко возражает против любого вмешательства в эмбрионы *in vitro*. Если статус эмбриона обусловлен одним лишь его потенциалом развития, то у “клонированного” эмбриона статус будет тем же, что у эмбриона “естественного”. Если же статус эмбриона зависит не только от потенциала развития, но и от его происхождения — в данном случае, в результате “естественного”, пусть даже с использованием вспомогательных технологий, оплодотворения, — то статус “клонированного” и “естественного” эмбрионов будет различен.

Судьба эмбриона

С метафизическим вопросом о “субъектности” эмбриона тесно связан даже не этический, а уже юридический вопрос: кто вправе принимать решения о его судьбе. Казалось бы, эмбрион является результатом слияния гамет, происходящих от двух различных лиц, — им и судить. Но, в отличие, например, от донорских органов, эмбри-

он, как уже говорилось, можно при определенном подходе считать носителем субъектности. А тогда права “породителей” распоряжаться его судьбой выглядят безусловными. И возникают проблемы. Особенно когда родительский проект больше не проводится в жизнь и после него остаются “лишние”, более ненужные родителям эмбрионы.

В результате провозглашения государством общих принципов по защите эмбрионов *in vitro* у родительской пары может и вовсе не оставаться возможности повлиять на судьбу эмбриона, переставшего быть частью первоначального родительского проекта. Эта пара, например, может лишиться возможности дарить его для переноса другой женщине или разрешать его использование в исследованиях.

Можно было бы доказывать, что после завершения родительского проекта интересы обоих членов родительской пары в связи с последующим использованием эмбриона уменьшаются, так что можно придавать большее значение интересам других сторон. Эти стороны могли бы приобрести и большую роль в определении окончательной судьбы эмбрионов. В то же время использование эмбриона для целей, против которых возражают члены родительской пары, может служить для этой пары источником серьезной травмы, особенно если эмбрион используется для экстракорпорального оплодотворения другим лицом. Поэтому обычно признается, что родительская пара должна иметь право выбирать окончательную судьбу эмбриона и его частей — но только в пределах установленного государством диапазона вариантов.

Именно проблемы с возможным будущим эмбрионов, остающихся по завершении родительского проекта, побудили некоторые страны (например, Германию и Австрию) законодательно запретить создавать в ходе ЭКО больше эмб-

рионов, чем может быть перенесено за один цикл. При том, что при подобном ограничении шансы на успех ЭКО уменьшаются. *“Таким образом, в вопросе о том, сколько нужно создавать эмбрионов, **соображения успешности лечения** и потребности собственно родительской пары не рассматриваются как решающие, хотя им и придается немалый вес. К данному вопросу подходят, скорее, с позиций более общих ценностей общества и исходя из оценки возможных последствий для эмбрионов, утративших связь с родительским проектом”.*

“Общие ценности общества”, предписывающие врачам поступать вразрез с требованиями максимальной успешности лечения — по сути, с клятвой Гипократа — это уже очевидная новация в медицинской деонтологии. Впрочем, нацистские врачи, использовавшие кровь узников концлагерей для переливания, тоже следовали требованиям максимально успешного лечения, но в особой приверженности клятве Гипократа при этом замечены не были. А вопрос о том, что есть эмбрион в первую очередь: средство, помогающее врачу исполнить свой долг по отношению к пациенту, или бытие, которому нельзя нанести вред, — из числа вопросов, которые вряд ли можно разрешить простым продолжением дискуссии. Она способна только прояснить и более четко сформулировать разногласия.

В некоторых странах пары, у которых остались неиспользованные эмбрионы, могут “пожертвовать” их другой паре. Есть страны, где такое “донорство” не допускается. (А в нескольких государствах, напротив, разрешается создавать эмбрионы специально для донорства, хотя в большинстве других это запрещено — то же самое принципиальное различие на основе не характеристики самого эмбриона или ситуации, а ее предыстории.) Но уже само понятие “пожертвования” иногда порождает проблемы,

поскольку связано с представлением о “собственности” на эмбрионы. Во Франции, например, из-за этого предпочитают смотреть “в обратной перспективе”: говорить не о “пожертвовании” (“don”), а о “принятии” (“accueil”).

Большинство этических проблем, возникающих в связи с “донорством” эмбрионов, проистекают из беспокойства об уважении достоинства. Снова боятся, что подобная практика может способствовать утверждению инструментального подхода к эмбриону. Но и здесь представления о “достоинстве” и “интересах” эмбриона могут приводить, как минимум, к двум прямо противоположным практическим выводам. Так, сторонники донорства эмбрионов утверждают, что в факте “донорского пожертвования эмбриона” выражается как раз уважение [его] человеческого достоинства и что действие это приносит пользу эмбрионам, давая им возможность развития в надлежащих, строго определенных условиях вместо того, чтобы подвергаться уничтожению. Для приверженцев этой позиции донорское пожертвование эмбриона выступает как альтернатива его уничтожению — при условии, что будет соблюдаться ряд строгих требований, в особенности касающихся защиты *будущего ребенка*. (Интересно, что вопрос о соотношении интересов эмбриона и интересов будущего ребенка и о том, возможен ли, хотя бы в принципе, их конфликт, в дискуссии, похоже, вообще не всплывал; а он мог быть весьма любопытен для прояснения возникающих здесь тупиков морального сознания, а может быть, и для решения каких-то практических вопросов регулирования.)

При общем согласии относительно многих условий донорства принцип анонимности доноров недавно был оспорен. Анонимность доноров эмбриона — общепринятое правило. Утверждают, что его соблюдение направлено на защиту

как родительских пар — и донорской, и пары-реципиента, так и будущего ребенка, поскольку информация о личности родителей — доноров и реципиентов — может только психологически травмировать и их самих, и ребенка. Утверждают также, что биологическое родство не так существенно для становления связи между ребенком и родителями и для развития личной идентичности, как родство социальное.

Но и здесь моральные соображения можно “читать надвое”. В частности, утверждают, что анонимность донорства влечет за собой риск психологического страдания для ребенка, стремящегося узнать о своем происхождении. Какой из двух рисков выше — сказать, по-видимому, невозможно. Для этого потребовалось бы подробное массовое обследование, позволяющее набрать статистику, которое само по себе было бы аморально. Да и когда статистика выступала реальным фактором, влияющим на моральные оценки?⁹

Наука требует жертв от эмбрионов?

Один из самых щепетильных вопросов для научного сообщества — допускать ли исследования на эмбрионах *in vitro* и если допускать, то на каких условиях.

В XX веке противоречие между научной значимостью и моральной невозможностью экспериментов на людях выступило во всей своей пугающей объективности. Авторы Доклада напоминают, что Конвенция о правах человека и биомедицине решает этот вопрос однозначно: интересы и блага отдельного человека пользуются приоритетом перед интересами собственно общества или науки (Ст. 2). Но на практике конфликтные интересы такого рода чаще всего стараются “баланси́ровать”, “взвешивать”, “соразмерять”. При том, что рассчитывать на успех

такого рода балансировки трудно: в спорах по поводу ценностей взаимное отторжение рождается куда чаще, чем пресловутая истина. К тому же поиск истины как выбора между конкурирующими ценностями вообще занятие сомнительное: ценности-то несоизмеримы...

В случае с защитой эмбрионов проблемы и парадоксы “защиты от науки” возникают в связи с хорошо известными вопросами эмбриональных стволовых клеток и клонирования. К ним наш журнал обращался уже не раз, но в Докладе они занимают слишком большое место, чтобы можно было обойти их вниманием.

Научный интерес и потенциальная польза исследований на эмбриональных стволовых клетках для практического здравоохранения достаточно известны, и повторять аргументы мы здесь не будем. Но использование в исследовательских целях эмбрионов, более не составляющих элемент родительского проекта, ставит нас перед двумя серьезными этическими проблемами. Первая связана с общими моральными сомнениями по поводу использования эмбрионов для какой бы то ни было цели кроме деторождения, вторая — с тем, что подобное исследование ведет к уничтожению эмбриона. Озабоченность этими двумя проблемами задает отправную точку для критического осмысления такого рода исследований и для требований морально обосновать и оправдать их.

Центральный философский и правовой вопрос, по мнению авторов Доклада, состоит в следующем: действительно ли существуют такие блага, которых можно было бы достичь, или такие ценности, которым могло бы послужить разрушающее исследование эмбриона и которые перевешивали бы соображения блага самого эмбриона. Не столь центральным вопросом — способен ли экспертный анализ в принципе дать ответ, какие цен-

⁹ Существенный вопрос возможных скрытых генетических дефектах донорского материала здесь не рассматривается. Это проблема не моральная, а медицинская.

ности ценнее и, соответственно, "перевешивают" другие, — авторы, похоже, не задают. Они лишь напоминают, что взгляды на статус эмбриона разнятся и для кого-то нет такого потенциального блага, которое могло бы перевесить статус, предоставляемый эмбриону, или, другими словами, соображения его собственного блага. Странники подобного подхода утверждают: вместо того, чтобы выбирать между двумя различными методами уничтожения эмбриона, более не составляющего элемент родительского проекта: обычной процедурой уничтожения и исследованием, следует позаботиться, чтобы таких эмбрионов вообще не существовало.

Однако для тех, кто придерживается градуалистской позиции, — например, для тех государств, которые допускают исследования на эмбрионах, более не составляющих элемент родительского проекта, — статус эмбриона на ранней стадии развития видится как статус "между" пониманием эмбриона как "части человеческой жизни" и пониманием его как личности, пользующейся правами человека. Такое видение ведет к провозглашению принципа "уважения к человеческой жизни" как этической константы, сохраняющей силу на всем протяжении развития эмбриона/зародыша. Этот принцип заставляет признать эмбрион чем-то большим, нежели просто часть человеческого тела или узел клеток, но вот вопрос "права на жизнь" — это особый вопрос. Для носителей градуалистского взгляда объем, в котором можно признавать такое право за эмбрионом или зародышем, расширяется постепенно по мере его развития.

Данный принцип означает, что, для его сторонников "польза для общественного здоровья" при определенных обстоятельствах может перевесить "уважение к жизни". И возможность такого "перевеса" не противоречит признанию достоинства эмбриона: достоинство это

может рассматриваться как фундаментальное и в том случае, если оно не влечет за собой право на жизнь. Признание за другими потенциальными благами для человечества большего веса, чем за уважением к жизни эмбриона, подкрепляется, с точки зрения его сторонников, тем, что эмбрионы, более не составляющие элемент родительского проекта, все равно неизбежно погибнут. Другие, напротив, могли бы усмотреть в подобной аргументации консеквенциалистский подход. Однако обсуждение этой стороны дела, напоминают авторы доклада, заставило бы поднять общий вопрос о том, оправдываются ли средства целью. То обстоятельство, что ни крайний, ни градуалистский подход в принципе не могут быть подтверждены или опровергнуты какими-то научными данными или строгими логическими построениями и, по существу, сами являются проекциями неких глубинных ценностей, вновь не акцентируется.

Авторы обращают также внимание на различие между эмбрионами, создававшимися в ходе ЭКО с сознательным намерением использовать лишь те, что имеют наибольшие шансы развиться после переноса (другими словами, в ситуации, в которой всегда заранее предусматривалось, что не все эмбрионы составят элемент родительского проекта), и эмбрионами, при создании которых каждый из них предполагалось использовать для переноса в обязательном порядке. С последней ситуацией можно было бы столкнуться в странах, где в законодательном порядке запрещено создавать в ходе ЭКО больше эмбрионов, чем можно перенести за один цикл медицинских процедур (скажем, в Австрии или Германии), но, например, мать умерла в ходе лечения. В таких юрисдикциях стремятся не допустить использование эмбрионов в иных целях помимо репродуктивных¹⁰.

Л. Резниченко
Долгий спор
о защите
эмбрионов

¹⁰ Любопытная деталь, свидетельствующая, что "рационалистическая" аргументация при рассмотрении соответствующих проблем в научном сообществе, как минимум, не доминирует: если судить по тексту Доклада, в дискуссиях не звучал аргумент, что, не возникни такая задача, эмбрионы, о которых идет речь, вообще не существовали бы, и что для существования или несуществования эмбриона нет слишком большой разницы между его уничтожением и сознательным решением воздержаться от его создания. Скорее всего, при чисто рационалистическом подходе такой аргумент непременно появился бы. Очевидно, что и в научном сообществе доминирует моральная установка обычного сознания: мы в ответе за то, что создали, но создавать не обязаны и за несоздание моральной ответственности нести не можем...

Если же возможность исследований на эмбрионе *in vitro* не исключена в принципе, то возникает вопрос, какие цели могли бы оправдать использование эмбриона для научных исследований¹¹. Там, где такие исследования разрешены, существует, как представляется, общее согласие: они должны проводиться ради того, что в самых широких терминах можно было бы охарактеризовать как охрана здоровья, неважно, служат ли они этим целям прямо (как прикладные исследования) или опосредованно (фундаментальные исследования, результаты которых могут принести прямую пользу для защиты здоровья человека).

Однако более ранние формы законодательства, такие как *Human Fertilization And Embryology Act 1990* в Великобритании (Закон 1990 г. об искусственном оплодотворении человека и эмбриологии), допускали исследования на эмбрионе только для целей охраны *репродуктивного* здоровья и *репродуктивного* процесса, включая вспомогательные репродуктивные технологии (видимо, подсознательно их авторы исходили из какой-то идеи «солидарности эмбрионов»?). Лишь позже некоторые государства позволили использовать эмбрионы, более не составляющие элемент родительского проекта, и для более широких целей охраны здоровья.

Странники подобной практики подчеркивают, что откладывать исследования на эмбриональных стволовых клетках — значит продлевать страдания больных, которые можно было бы облегчить благодаря результатам таких исследований. Оппоненты же утверждают, что ссылка на права пациентов, которых, возможно, удалось бы излечить с помощью трансплантации клеток, некорректна: любые возможные права такого рода могут возникнуть лишь в будущем, поскольку лечение, основанное на использовании трансплантатов клеток, станет возможным не ранее,

чем через 10–15 лет. Более того, выдавать пациентам, страдающим от тяжелых заболеваний, обещания на столь далекое будущее само по себе дело морально сомнительное: такие обещания не помогут им лучше справиться с болезнью в настоящем. Если с помощью методов лечения, разработанных в результате проводимых сегодня исследований, и удастся помочь какому-то пациенту в будущем, — то конкретная личность этого индивида сегодня не известна и нет никого, по отношению к кому нам сегодня может быть приписана какая-то конкретная обязанность. А вот уничтожение в ходе исследования подвергнется определенный, вполне конкретный эмбрион, и если он имеет какие-то права, то права эти существуют здесь и сейчас.

Те государства, где пришли к выводу о допустимости исследований на этих эмбрионах, отчетливо сознают возникающие этические дилеммы. И процедуры, и учреждения, имеющие отношение к таким исследованиям, там подлежат регулированию, и каждый отдельный исследовательский проект ведется с разрешения и под контролем соответствующего компетентного органа. Какие именно моральные ценности выступают при таком регулировании как приоритетные, а какими — со всеми оговорками — пренебрегают, остается за рамками Доклада, хотя о самом характере регулирования говорится достаточно подробно.

Создание эмбрионов специально для исследовательских целей. Целенаправленное создание эмбрионов для исследовательских целей запрещено Конвенцией о правах человека и биомедицине (Ст. 18 (2)) и повсеместно рассматривается как этически неприемлемое, поскольку означает использование эмбриона исключительно как средства для достижения внешней по отношению к нему цели. Такую инструментализацию эмбрионов отвергают даже многие из тех, кто согла-

¹¹ Такая постановка сближает вопрос об экспериментах на эмбрионе с проблемной вивисекции в конце XIX—начале XX века — постановка весьма отличная как от понимания эмбриона как «части человеческой жизни» и любой части тела человека, и от всех тонкостей градуалистского подхода.

сен с использованием эмбрионов, больше не составляющих элемент родительского проекта, для должным образом регулируемых исследований. В этом последнем случае можно, по крайней мере, утверждать, что, если такой эмбрион не будет перенесен в матку, он в любой ситуации не выживет, и лучше использовать его для исследования, которое принесло бы благо или помогло уменьшить страдания, чем просто избавиться от него. К эмбрионам, созданным специально для нужд исследования, такой аргумент был бы неприменим, так как без данного исследовательского проекта они вообще не существовали бы. Но некоторые исследования, направленные на благо здоровья человека, нельзя выполнить на существующих эмбрионах: для них необходимо создавать эмбрионы специально. Именно на этом основании и только при соблюдении очень строго определенных критериев и целей в Великобритании и в Бельгии, например, было разрешено создавать эмбрионы для исследовательских целей.

Сам по себе статус эмбриона, как только он появляется на свет, полагается одним и тем же, был ли он создан непосредственно для преодоления бесплодия (ЭКО), для того, чтобы избежать рождения младенцев с серьезными расстройствами (преимплантационная генетическая диагностика) или же для исследовательских задач. Принципиально важно то, что все эмбрионы, для какой бы цели они ни были созданы, обладают способностью к развитию.

В странах, где разрешено создавать эмбрионы для исследовательских целей, действует регулирование, накладывающее ограничения на соответствующие процедуры. Как и в случае с исследованиями на эмбрионах, более не составляющих элемент родительского проекта, такое регулирование призвано гарантировать, что цели исследования достаточно важны

и не могут быть достигнуты никаким другим способом. На практике количество эмбрионов, которые до сих пор создавались для исследовательских целей, ничтожно по сравнению с количеством эмбрионов, первоначально предназначавшихся для репродуктивных целей.

Высказывают также аргументы в пользу возможного создания в будущем новой категории эмбрионов, предназначенных специально для исследований. Они будут создаваться путем переноса ядер соматических клеток — процедуры, ведущей к клонированию. Как уже отмечалось, моральная значимость различных методов создания “эмбриона” сегодня является предметом споров. Впрочем, в настоящее время мало свидетельств, что подобная процедура осуществима применительно к человеку.

Те, кто обеспокоен использованием эмбрионов в исследованиях, обращают внимание и на “языковую политику” в отношении эмбриональных стволовых клеток. В частности выражают озабоченность использованием в данном случае термина “терапевтическое”. Последний используется лишь потому, что эмбриональные стволовые клетки, которые предполагается получать подобным образом, потенциально могут использоваться и в терапевтических целях. Но для тех, кто считает продукт переноса ядра клетки эмбрионом, подчеркнуть, что процедура “терапевтического” клонирования не ставит своей целью создание ребенка, — значит попросту игнорировать факт, что созданный в результате подобной процедуры эмбрион реально обладает таким потенциалом, а потому его создание влечет за собой этические вопросы. Далее они настаивают, что и сам термин “терапевтический” вводит в заблуждение, поскольку в процедуре клонирования как таковой ничего терапевтического нет и пока нет никакой уверенности, что в конце концов будет получен результат, пригодный для тера-

певтического использования. Поэтому уместнее говорить о “клонировании в целях создания стволовых клеток” и, подобным же образом, о “клонировании в целях создания ребенка”, а не о “репродуктивном клонировании”. Наконец, есть и те, кто обеспокоен возможностью самого использования вводящей в заблуждение терминологии и предлагает каждый раз явным образом говорить о цели клонирования: исследовательской, терапевтической, репродуктивной.

Диагностика эмбриона как этическая проблема

Но, может быть, больше всего моральных конфликтов порождено возможностями (а с некоторых точек зрения — соблазнами) преимплантационной генетической диагностики (проверка эмбрионов на наличие или отсутствие определенных генетических признаков перед тем, как имплантировать их в матку). То, что анализ становится предметом серьезных моральных коллизий, может показаться странным. Похоже, что в подоснове этих конфликтов и опасений лежит редко формулируемая в явном виде проблема: боязнь “заиграться” в попытках “переиграть природу” (или Создателя — собственно религиозный момент здесь если и присутствует, то на втором плане).

Преимплантационная генетическая диагностика (ПГД) используется в случае, если пара столкнулась с риском передать по наследству тяжелое генетическое заболевание. Обычно такой риск определяется на основе истории семьи или рождения детей с соответствующими отклонениями. Технически эмбрионы могут быть проверены на наличие более чем двадцати наследственных моногенных заболеваний и на хромосомные отклонения.

Однако предлагается все более широкий диапазон возможных применений ПГД, включая не только

выбор пола для различных целей, но и скрининг на предрасположенность к определенным типам рака. Высказывались также опасения по поводу возможности создания “спроектированных младенцев”, хотя сам этот термин вводит в заблуждение. Ведь “проектируется” не потенциальный ребенок как таковой: в качестве объекта выбора предполагаются определенные характеристики, которые могут и не иметь никакого отношения к здоровью — вроде цвета волос, если только известна генетическая основа этих характеристик. Лишь эмбрионы с желательными характеристиками будут переноситься в матку и следовательно, получат шанс развиваться.

Кто-то может видеть в преимплантационной диагностике форму опережающей пренатальной диагностики. При таком взгляде она сопряжена с теми же этическими проблемами, что и другие виды пренатальной диагностики (ПНД), в особенности если та влечет дискриминацию и стигматизацию. А поскольку ПГД предполагает создание эмбрионов в ходе ЭКО, вмешательство в эмбрионы и их отбор для переноса, — то появляются и дополнительные опасения, касающиеся статуса эмбриона. Упомянут в этой связи и о евгенике. Но при всем видимом сходстве преимплантационной и пренатальной диагностики, реагирование на результаты ПГД по своим последствиям для пары, и в особенности, для матери, психологически куда менее болезненно (но, значит, и сопряжено с меньшими психологическими барьерами), чем реакция на результаты диагностики пренатальной. Последняя проводится уже в период беременности. Если обнаруживается соответствующее генетическое нарушение, то пары оказываются перед необходимостью решать, прерывать ли беременность. ПГД предлагает возможность выявить поврежденные эмбрионы *до начала беременности*

и переносить лишь неповрежденные эмбрионы. Без доступа к ПГД пары, знающие, что они — носители передаваемого генетически заболевания, и не желающие передавать это заболевание ребенку, окажутся перед выбором: не иметь ребенка или пройти ПНД и, возможно, прервать беременность. Для тех, кто считает прерывание беременности неприемлемым, это может означать отказ от надежды иметь ребенка, который биологически был бы их собственным. В числе потенциальных преимуществ от ПГД для таких пар и возможность обдумывать беременность без волнений, связанных с риском передать ребенку тяжелое генетическое заболевание.

Вместе с тем для тех, кто рассматривает эмбрион как человеческое существо, имеющее право на жизнь с момента зачатия, ПГД подразумевает нравственно недопустимый выбор между теми, кто обладает равным правом на жизнь. И опять-таки тот факт, что какие-то из имеющихся эмбрионов так или иначе обречены на гибель (даже если число создаваемых эмбрионов ограничить до минимума, порождающего риск неудачи всей процедуры, как о том говорилось выше) и что они точно также гибнут и в ходе естественного процесса, вообще не рассматривается как аргумент. Судя по всему, для морального сознания здесь важна уже не гибель эмбрионов как таковая, а сам факт отбора — то, что человек решает, кому жить, кому ликвидироваться. Решает по своему произволу и по своим критериям, какими бы рациональными они ни выглядели. Хотя прояснить и “рационализировать” их стремятся и участники многочисленных дискуссий, и авторы Доклада, эти дискуссии обобщающего.

В основе диагностики лежит допущение, что определенные состояния или характеристики могут классифицироваться как заболевание, пороки развития или как неже-

лательные по иным причинам. Это подчеркивает необходимость прояснить такие понятия, как заболевание, норма, наследственная изменчивость и евгеника. В частности, необходимо добиться ясности относительно вводящего в заблуждение понятия “генетического совершенства” — в отличие от реальности “генетического отклонения” как неотъемлемого элемента характеристики всех человеческих существ.

Основанием для анализа является разграничение между заболеваниями, расстройствами и особенностями. Если использование ПГД в отношении тяжелых генетических заболеваний можно было бы считать нравственно приемлемым, то возможность ее использования для того, чтобы отбирать эмбрион просто на основе определенных особенностей, у многих вызывает опасения.

Это может стать источником определенных рисков, в частности, того, что дети, родившиеся с подобными особенностями (например, с определенными физическими или умственными дефектами), окажутся либо будут чувствовать себя стигматизированными; опасности давления на родителей, побуждающего избегать рождения ребенка с данным конкретным дефектом или генетическим расстройством.

Иногда утверждают, что уже современное использование ПГД ведет к дискриминации и стигматизации. Другие выражают беспокойство, что обращения к ПГД приведет или может обернуться такими социальными последствиями в будущем.

Во многих странах использование ПГД допускается только для диагностики тяжелых генетических заболеваний. Но что касается какого-либо расстройства, его тяжесть может классифицироваться по-разному. Некоторые объединения пациентов возражают против использования ПГД и других методов пренатальной диагностики на том основании, что эти методы подрыв-

¹² Насколько можно судить по тексту Доклада, вопрос, насколько нравственно приемлемо обречь на рождение ребенка с физическими или умственными дефектами, да еще передающимся по наследству, (и обречь на страдание его родителей) ради того, чтобы *другие* дети и родители не чувствовали себя стигматизированными и чтобы “третьи” родители не испытывали давления (соблазна?) воспользоваться той же процедурой, в ходе дискуссии не ставится. Хотя и здесь можно было бы говорить об инструментальном подходе — только уже к неродившимся детям и их родителям, которых обречают на страдание. Как не ставится вопрос о том, не является ли аморальной сама постановка вопроса о том, что уменьшение числа людей с генетически заболеваниями является злом. А ведь здесь тоже налицо очевидный выбор, который одни делают за других. Но это выбор “негативный”, выбор сознательного отказа и запрета на выбор, *сознательное* перекладывание выбора и ответственности на лотерею природы. А он непосредственных моральных протестов не вызывает, а в рамках религиозного сознания может быть даже санкционирован, более того, освящен. Именно как принятие жребия.

вают принцип равной ценности всех людей, в том числе больных, и подчеркивают, что такое понятие, как “тяжелое генетическое заболевание”, представляет собой социальный конструкт.

Оппоненты возражают, что не следует смешивать то или иное генетическое заболевание со страданием от этого заболевания лицом. Тот факт, что заболевание оценивается негативно, что его правомерно желают избежать, вовсе не означает отрицательную оценку лица, страдающего этим заболеванием. При таком подходе не возникает никакого конфликта интересов между попытками ликвидировать заболевание (или уменьшить его распространенность) и помощью тем, кто страдает от него.

Вместе с тем подчеркивается, что использование ПГД приведет, пусть и непреднамеренно, к стигматизирующим последствиям, поскольку уменьшит число страдающих определенными генетическими заболеваниями¹².

Обращают внимание на риск того, что круг показаний со временем может расширяться: сперва метод используется для того, чтобы избежать рождения детей с тяжелыми генетическими заболеваниями, но со временем в этот перечень будут попадать все менее и менее тяжелые заболевания. Некоторые утверждают, что такой риск невозможно исключить, особенно потому, что все большее значение придается уважению автономии пары/женщины.

Как будет видно ниже, в этом контексте возникают евгенические вопросы: ведь люди могут стремиться не только избежать заболеваний, но и способствовать появлению тех или иных **желательных** особенностей. Можно попытаться повысить свои способности или способности детей с помощью спортивных упражнений или дополнительных возможностей для образования. А чем отличаются в моральном плане такие действия от

проведения ПГД с целью родить ребенка с потенциалом к высокому развитию способностей в некоторых областях — если, конечно, вопрос о генетической основе желаемых характеристик когда-нибудь достаточно прояснится?

Термин “евгеника” возбуждает сильные эмоции, и тем более важно попытаться прояснить, что же под ним понимается. Евгеника связана с отбором на основе определенной генетической характеристики. При этом моральные основания отбора (его цели и/или последствия, включая дискриминацию и стигматизацию некоторых лиц или групп) рассматриваются как неприемлемые. Кроме того, евгеника исторически ассоциируется с представлениями о принуждении и о воздействии на репродуктивный выбор со стороны третьих лиц. Поэтому данное понятие несет чрезвычайно негативную ценностную окраску.

Существует по меньшей мере возможность того, что ПГД станет использоваться не только для предотвращения заболеваний или расстройств, но и для отбора “положительных” качеств. Кроме того, это — выбор каждой отдельной пары, который, как предполагается, делается свободно, без вмешательства третьих лиц. Поэтому встает вопрос: действительно ли ПГД всегда является евгенической практикой либо имеет возможность при некоторых обстоятельствах стать таковой?

Такого рода беспокойство побудило различные страны разработать законы и руководства, призванные уменьшить риск распространения евгенических подходов и подрыва уважения к человеческому достоинству. В некоторых странах явным образом сформулированы ограничения, требующие использовать ПГД лишь в том случае, если у пары наличествует серьезное прогрессирующее наследственное заболевание, которое может привести к преждевременной смер-

ти и на настоящий момент неизлечимо. Другие страны не сочли необходимым оговаривать, что заболевание непременно должно быть “прогрессирующим” или приводить к преждевременной смерти, и говорят лишь о высокой вероятности рождения ребенка с неизлечимым тяжелым генетическим заболеванием. Наконец, есть страны, которые приняли более гибкий подход, ограничив использование ПГД диагностикой тяжелого генетического отклонения.

Впрочем, у пациентов порой встречаются совершенно экзотические требования, которые способны оправдать любые опасения по поводу “ПГД без берегов”. Высказывались, например, требования отбирать для переноса в матку только эмбрионы, *затронутые* тем или иным отклонением. Такие запросы могут диктоваться желанием, чтобы ребенок, родившийся у пары, страдающей определенным расстройством, “вписывался” в ту семью или то социальное окружение, где ему или ей предстоит жить (например, в “сообщество глухих”). Тут уж все конфликты и проблемы добровольного выбора за себя и за того (еще не родившегося) парня не только переворачиваются с ног на голову, но еще и на порядок усложняются. В теории-то разобраться с ними легко: “В таких ситуациях можно исходить из того, что главное значение следует придавать благополучию потенциального ребенка и что нужно учитывать, как соответствующее нарушение может отразиться на его жизнедеятельности и на открывающихся перед ним возможностях и перспективах.” Но с какими коллизиями в связи с этим мы можем столкнуться в будущем? В общем, без работы специалисты по этике не останутся...

Пока же наиболее серьезные проблемы возникают в связи с появившейся возможностью выбора пола и даже просто определения пола на стадии беременности. Эта технология породила во многих об-

ществах серьезные социальные проблемы: растет число женщин, которые идут на прерывание беременности, если ожидается ребенок нежеланного пола. Но это в основном в азиатских обществах. В обществах “первого мира” ситуация может оказаться в этическом отношении более тонкой и связанной именно с преимплантационной диагностикой.

Когда у пары уже есть один или более ребенок определенного пола, она может пожелать “сбалансировать” семью, заведя ребенка противоположного пола. Вроде бы, риски усиления дискриминации или утверждения подходов, ведущих к евгенической практике, в этом случае значительно меньше. Ведь пол первого ребенка в этом случае не выбирается преднамеренно, и ПГД используется лишь для того, чтобы выбрать ребенка “противоположного” пола, а не для систематического отбора эмбрионов какого-то одного пола. И к половому дисбалансу в обществе такая практика не ведет.

Поскольку ценности общества следует подвергать как можно меньшим рискам, то иногда спрашивают, почему родители не могут реализовать свою автономию, выбирая для себя сбалансированную семью? Но, возражают другие, преднамеренный выбор эмбрионов со специфическими характеристиками может дать основания для тревоги по поводу инструментального подхода к ребенку и для беспокойства, что, раз ступив на этот путь, мы покатаемся по наклонной плоскости и далее станем отбирать детей по другим характеристикам. Например, если два ребенка в семье достигли успехов в спорте, то почему бы не отбирать будущего ребенка — если появится соответствующая техническая возможность — по наличию генетического потенциала для музыкального таланта? Исходя из принципа соразмерности, можно было бы также счесть, что последствия для роди-

телей от лишения доступа к подобной процедуре балансирования семьи будут невелики по сравнению с возможными рисками от расширения сферы такого выбора.

Думается, в этой довольно проходной для самих авторов доклада фразе: “раз ступив на этот путь, мы покатымся по наклонной плоскости” и состоит главный смысл всех опасений и дилемм, связанных с целенаправленным воздействием (или выборочным отсутствием воздействия — если воздержание осуществляется выборочно и целенаправленно). Тот, кто еще помнит из курса диалектического материализма про “парадокс кучи”¹³, знает, как трудно обозначить порог, за которым изменяющийся феномен уже не “изменяется”, а превращается во что-то принципиально иное. И, соответственно, провести границу, за которую заступать не следует, особенно когда наука, по своему обыкновению, начинает раздвигать горизонты (это опять из советского прошлого). Уж больно легко подорвать какие-то очень тонкие механизмы, на которых зиждется наша биологическая, социальная и, простите, моральная идентичность. Очень страшно вмешиваться в механизмы, которые до недавнего времени были исключительной прерогативой Природы или Бога. Мудро там или не мудро распорядились они, — а мы, как-никак, выжили и превратились в то, чем являемся и какими себе, в общем, нравимся. А как распорядимся ими мы сами, — это еще вопрос.

В Докладе отмечается одна опасность, на которую постоянно и в разных контекстах указывают участники дискуссий, — “инструментальное отношение” к чему-то, к чему нельзя относиться как к инструменту.

А почему, собственно, нельзя?

Об опасностях “рационализации”, “поиска обоснования” моральных ценностей писали много и с самых разных позиций. Но пишущему эти строки убедительнее всего показались сказанные лет 50 назад слова Г.С. Померанца. Когда-то автора, как, наверное, и многих юношей, ставил в тупик (и, наверное, вводил в соблазн) убийственный вопрос стэндалевского Жюльена Сореля: “допустимо ли убить троих, чтобы спасти четверых?” Просто ответить “нет” было слишком просто и потому невозможно. Г.С. Померанц, кажется, в “Квадрильоне”, объяснил: стоит только допустить такую возможность, и дальше неизбежно придет в голову вопрос: “А зачем, собственно, спасать этих четверых? Не проще ли всех семерых пустить в расход?”

Именно релятивизация ценностей, лишаящая смысла мораль и этику, и страшит, видимо, противников новых спасительных технологий, строящих здоровье человека на гибели эмбриона. С другой стороны, абсолютизация тех же ценностей для просвещенного — в кавычках и без — сознания выглядит нелепой, необоснованной, а учитывая, как высоки ставки, — бесчеловечной. Чуть ли не аморальной. Мы, следуя примеру авторов Доклада, никого из спорящих не осуждаем и не поддерживаем. Но, в отличие от этих авторов, видим здесь не столько предмет для дискуссий специалистов по профессиональной этике, сколько объективный конфликт непримиримых и несоизмеримых начал. Тот конфликт, что в теории литературы называется трагическим — в отличие от драматического конфликта хорошего с дурным (или того же хорошего с еще более лучшим). И, наверное, в дискуссиях по биоэтике экспертам стоит бы иметь в виду это обстоятельство. Хотя бы на периферии сознания.

¹³ Пишущий эти строки не знает, рассказывают ли сегодня в каком-либо учебном курсе про зеноновы апории, но кто не учился в советском вузе, наверняка умеет пользоваться Интернетом. А там о них, скорее всего, можно прочитать почти все нужное и еще много чего сверх того.